

где он стал профессором политехнического института и членом Академии строительства и архитектуры.

Г. И. Пелих

Г. И. ПОТАНИН О РОЛИ ОБЩИНЫ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

1. В исторической литературе о Потанине не учитывается, как правило, своеобразие его взглядов на общину. Потанина даже упрекают в противоречивости суждений по данной проблеме. При этом упускается из вида учение Г. Н. Потанина о трёх различных формах (стадиях) общинной организации. Дело в том, что, кроме земледельческой общины (“патриархальной общины” — по терминологии Потанина), Григорий Николаевич выделял еще две стадии “общинного быта”: “общину-область” и “общину-государство”. Естественно, если его высказывания по поводу двух последних форм общинной организации применять к первой её стадии — земледельческой общине, — должны возникнуть противоречия.

Исследование проблемы затруднено тем, что Григорий Николаевич не оставил специальной, обобщающей работы по этому вопросу. Его взгляды на общину рассеяны среди многотомных монографий, дневников, писем и заметок. Необходимо также учитывать, что Потанин не всегда мог свободно выражать свои мысли. Кроме того, ни он, ни другие областники не владели четкими дефинициями, что внесло дополнительную путаницу в трактовку данной проблемы.

2. Г. Н. Потанин исключал из сферы действия “законов истории” первобытную эпоху. По его мнению, у “дикарей” и “варваров” могли существовать лишь низшие формы социальных связей, подобно тому как “развивается социальная жизнь у однолетних (особенно у злаков), ... а многолетние (деревья, мхи) образуют целые социальные области ...” “Дикарей объединяют семейные, родовые, племенные, т. е. кровнородственные связи, которые носят, скорее, зоологический, чем социальный характер”.

Григорий Николаевич полон сочувствия к “дикарям” и “варварам”. Уважает их культуру и восхищается ее достижениями. Но убежден, что они не способны к сознательной социальной жизни, так как не могут создать земледельческую общину. Занимаясь охотой, скотоводством, мотыжным земледелием, нельзя выйти из дикого или варварского состояния. Социальная история человечества начинается с появлением высокопродуктивного (пашенного, ирригационного) земледелия. На его основе создается земледельческая община и начинается принципиально новый этап человеческой истории — эпоха цивилизации. Само понятие цивилизации ассоциируется у Потанина с наличием высших форм социальной жизни.

В дальнейшем основные вехи истории человечества совпадают, — по мнению Г. Н. Потанина, — со стадиями развития общинной организации.

3. Патриархальная община (т. е. сельская община) стоит у истоков цивилизации и прогресса. Она возникает у разных народов земного шара в различной форме, в зависимости от климата, демографических факторов, возможности внешних контактов и т. д. В дальнейшем процесс усложнения сельских общин идет неравномерно. Поэтому в одной и той же стране существуют одновременно разнорядковые формы общинной организации.

Усложнение общины продолжается до тех пор, пока она не достигнет предела, до которого возможно совершенствование её производства. Тогда перед патриархальной общиной встает альтернатива: или погибнуть, или перейти в новое прогрессивное состояние. “Нужен новый шаг... от общинного землевладения к общинному хозяйству, но для этого нужна высокая ступень умственного развития крестьянства” и, прежде всего, необходим достаточно высокий уровень материального благосостояния. “Сначала Сибирь добывала средства, чтобы кушать, потом, чтобы съесть вкусный мосол и выпить чаю с шаньгой, потом она хочет мыслить ...” “В состоянии ли патриархальная община принять в себя интеллигенцию? Или нет? Без интеллигенции... дальнейшая борьба немыслима...” “Устройте всесловную волость, дайте свободу сходке, отделите экономическое деление от политического, (и тогда) часть интеллигенции добровольно поверстается по общинам, другая возникнет в самой общине, и тогда едва ли нужны будут правительственные меры для общины”.

4. Община-область (вторая стадия общинного развития) образуется “естественным” путём из объединившихся патриархальных общин. Область управляется выборной Областной Думой. Она существует на основе экономической и культурно-административной автономии внутри крупного государства, например, России.

Нигде в мире Патанин не нашёл полностью сложившейся общины-области. Выявились лишь зародыши “прогрессирующей общины” у семейских Забайкалья, в Уральском Яике.

Образование общины-области в Сибири являлось ближайшей целью областнического движения. Отсюда и название движения — областничество. При этом ставились задачи экономического, образовательного и нравственного развития сибиряков. Областники стремились содействовать “кристаллизации” прогрессивных элементов. “Сибирь — раствор, её кристаллизация в отдалённом будущем” (В. А. Гордлевский. Г. Н. Потанин как народословесник. — Этнографическое обозрение, 1915, № 4). Считалось, что народ должен дорасти до создания общины-области. Никакой другой путь (например, насильственный переворот) не даст нужного эффекта. Даже вычленение области из России должно произойти “естественным путём”. “Обширная империя не может не расчлениваться на отдельные области, хотя бы связь между ними продолжала сохраняться”. Причём “расчленение должно установиться не на этнографических, а на экономических особенностях... Основа сибирской жизни чисто территориальная”.

Предполагалось, что к востоку от Урала возникнут три автономные области. Собственно сибирская область должна была объединить губернии: Томскую, Енисейскую, Иркутскую, а также Якутию и северную часть Забайкалья. Столицей могли стать города: Томск или Иркутск.

Общинный характер области определялся наличием общинной (общеобластной) собственности на землю и природные богатства. “Областной Думе должно быть передано заведование лесным, горным и водным богатством области. Ей же передается распоряжение поземельным фондом Сибири... Кабинетские земли должны быть возвращены в крестьянское пользование... Земли и угодья, неразумно щедро розданные ... церквям, монастырям и архиерейским домам, подлежат экспроприации...” “Когда будет существовать Областная дума, к ней перейдет почти все народное хозяйство”.

Внутреннюю структуру области должны были определять индивидуальные мелкие собственники, объединенные в сельскохозяйственные и промышленные ассоциации.

Особенно важным на данном этапе считалось развитие промышленности. “Земледельческий народ не может выйти из невежества”. Но следовало стремиться к тому, чтобы “хозяевами заводов и фабрик стали артели рабочих”. Затем область “по истечению некоторого времени могла бы приступить к сооружению фабрик на акционерных началах”. Для развития промышленности нужен капитал. Поэтому “нужен внешний рынок для нашего сырья... не тариф нужен, а конкуренция другого фабричного поставщика”. “Железо, медь, свинец, хлеб, кожа, сало, лес — вот товары, которыми скоро будет торговать Сибирь”. “Вторая задача: обратиться к местным чиновникам, купцов и извозчиков к эксплуатации природы”.

Области присущ дуализм частной и общинной форм собственности и непрерывная борьба принципов “индивидуализма” и “коллективизма”. Отношения между областями и внутри них не представлялись Потанину идиллическими. Прекращается лишь “экономическое поражение, но остается экономическое соревнование или соперничество ...” Борьба и соперничество — стимулы человеческого прогресса. “Что прикажете делать, когда счастье одного предполагает несчастье другого”.

5. Община-государство — высшая форма социальных отношений. Область служит лишь “посредствующим звеном” к достижению данной стадии общественного развития.

Для превращения области в государственную общину недостаточно получить политическую независимость. Ассоциации должны консолидироваться в “конассоциации”. Прекращается борьба индивидуализма и коллективизма. Происходит гармоничное соединение “индивидуального” и “ассоциативного” принципов. Чем более развито общество, чем сильнее в нем ассоциативное начало, тем больше простора для индивидуализма. “Самая способность ассоциации человеческих сил находится в прямом отношении со склонностью к индивидуализации”.

Интеллигенция освобождается от производительного труда. Она вооружает общественное производство и культуру достижениями передовой науки и выделяет из своей среды великих мыслителей — “политических философов” — вождей нового общества.

Возникает новая форма государственной общины — нечто вроде улучшенного варианта афинского полиса эпохи Перикла, или древнего республиканского Рима, или поздней Женевской республики. “Демократический дух” получает возможность свободного развития. Государственное правление осуществляется как прямое народоправство на конституционно-демократической основе.

“Политические философы должны определить норму территории... Во всяком случае, размеры будущих государств должны быть небольшими. Лишь в маленьких государствах пробуждается великая сила — местный патриотизм, способный творить чудеса”. “Как хорошо бывает в маленьких государствах, где все деятели знают друг друга, где масса стоит близко к домашней жизни вождей, где для каждого в общественных делах существует свой пропорциональный контроль, где последствия нового закона не только скоро обнаруживаются и делаются общеизвестными, но даже легко предвидятся... Не находится ли патриотизм в обратном пропорциональном отношении к величине отечества?”

На стадии общины-государства человечество вступает в эпоху “новой цивилизации”. Потанин пытается (вслед за Луи Бланом) “представить весь мир достигшим идеального состояния, все страны равно образованными, развитыми и богатыми... Народы образуют только одно огромное семейство, предназначенное делить между собой плоды земли”.

6. Движение человечества от первобытности к новой цивилизации (через патриархальную, областную и государственную общины) представляет собой магистральное направление общественного развития. Именно в этом направлении должна была, — по мысли Потанина, — идти Сибирь. Все остальные варианты являются отклонениями от магистрального пути. Г. Н. Потанин, изучая народы Земли, выделил несколько типов таких отклонений. Одни народы останавливаются в своём развитии. Примером застоя служит Китай. Другие (тунгусы, нарымские остяки) — регрессируют. Сюда же относятся все неземледельческие “инородцы” и все деклассированные элементы общества, отбросы всех цивилизаций (“бродяги”). И те и другие заражены “миазматическим действием культурных рас”. Эти “медленно, трагически вымирающие люди” находятся в состоянии “нравственного вырождения”. Несмотря на свою симпатию к “инородцам” и антипатию к “бродягам” (“что с ними делать, когда они звери и не хотят стать людьми?”) Потанин старательно подчеркивал “черты общего между бродягами и инородцами”. Он отводил им роль пассивного балласта истории. Они обречены на вымирание, если не придёт внешняя помощь, чтобы внедрить среди этих людей “артельное начало” и европейскую культуру.

По гибельному пути отклонения от естественного развития пошли народы Америки, Европы, европейской России. Они создают (по Мальтусу) технологию, уничтожающую все живое на земле, и культуру без нравственности, ибо этические нормы распадаются вместе с гибелью общины. Вся беда в том, что народы развитых капиталистических стран пошли “по вольтерьянскому пути” одностороннего развития индивидуализма без общинных связей. Потанин убежден, что “Америке, как и Европе, ещё придётся пережить важную реформу и сменить принцип индивидуализма принципом социализма”. Но это будет “мучительный путь”, так как противоречия одностороннего развития могут “разрешиться не иначе, как путём революций, более кровавым, чем освобождение негров”.

Итак, Г. Н. Потанин считает отклонившимися от естественного пути развития все народы, не имеющие общинной организации. Сюда относятся как слаборазвитые, так и высокоразвитые народы, то есть народы, которые или не создали, или разрушили свои общины. Происходящие у них изменения не являются прогрессивными. Они напоминают Потанину “генерацию медуз”.

Г. И. Потанин убеждён, что “естественный” путь прогрессивно-го развития проходит через общину. История цивилизации начинается с появления патриархальных общин и достигает расцвета на третьей и последней стадии общинной эволюции. Усложнение и усовершенствование общины рассматривается как форма реализации социального прогресса. Все отклонения от магистрального русла ведут к тупикам, застою, деградации.

Потанин категорически возражает против проведения социальных реформ сверху. Любое экспериментирование такого рода приносит только вред. Задачи правительства, ученых, общественных деятелей заключаются в изучении социальных процессов, в способности

правильно оценить обстановку, в умении создать наиболее благоприятные условия для победы прогрессивных тенденций.

Потанин выражал надежду, что, возможно, в эпоху новой цивилизации мыслящая элита сумеет понять законы исторического развития и овладеть ими. Только тогда люди смогут сознательно творить свою судьбу.

Е. Г. Новикова

Г. Н. Потанин в Томске: филология, Сибирь, Восток и христианство

Последние годы своей жизни (с 1902 по 1920 год) великий сибирский учёный и общественный деятель Григорий Николаевич Потанин провёл в Томске. И, при всём обычном для Потанина широком круге занятий и интересов, его томский период определяется прежде всего филологическими трудами — филологическими и в широком культурологическом, и в сугубо специальном, профессиональном смысле этого слова.

Проблема логоса, слова всегда занимала совершенно особое место в деятельности и творчестве Потанина: она была важнейшей составляющей его областнической программы. Проблема формирования регионального самосознания сибиряков конкретизировалась у Потанина прежде всего как проблема становления самостоятельного и свободного областного слова, как “постановка голоса” региональному общественному мнению и отдельному сибиряку, как процесс обретения жителями региона права, возможности и способности свободного слова. Но на разных этапах своей жизни ученый сосредоточивался на разных аспектах этой общей программы.

Характерно, что свою областническую деятельность Потанин начинает и до конца жизни осуществляет как журналист и публицист, ему принадлежит огромное количество публикаций в центральной и региональной прессе по проблемам Сибири, Востока, российских регионов вообще. Уникальна его роль в формировании и развитии оригинальной сибирской прессы и отсюда — сибирской интеллигенции. Именно способность к слову, свободному логосу и является, по мысли Потанина, сущностным качеством интеллигентного человека. В частности, в томский период жизни им написаны такие принципиальные работы, посвящённые данным проблемам, как “Города Сибири” и “Нужды Сибири” (опубликованы в знаменитом областническом сборнике “Сибирь, ее состояние и нужды” [1]), “Из истории интеллигентной Сибири” [2], “Из жизни сибирской журналистики” [3].

Однако со временем в контексте этой общей журнально-публицистической деятельности у Потанина начинает оформляться вкус и интерес к собственно филологическим трудам и изысканиям, что определяет собой новый и особый этап его областнической программы: его волнует процесс становления оригинальной сибирской литературы, и этой проблеме он посвящает специальные литературно-критические исследования. В них Потанин проявляет себя и как одарённый литературный критик, и как интересный историк русской литературы, и как теоретик-культуролог, специалист по проблемам региональных культур.

Принципиальной в этом смысле является его литературно-критическая статья “Роман и рассказ в Сибири”. Опубликованная в 1875 г. в иркутской газете “Сибирь”, внутренне она очень тесно связана с Томском. Она посвящена творчеству писателей-сибиряков И. В. Омулевского, И. А. Кущевского и Н. И. Наумова. Анализируемый в статье роман Кущевского “Николай Негорев, или благополучный россиянин” написан на материале томского детства писателя, в